

Мамяченков В. Н. Борьба правоохранительных органов с хищениями социалистической собственности в кооперативных организациях и государственной торговле в конце 1940-х годов (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2017. — № 5. — С. 224—239. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-224-239.

Mamyachenkov, V. N. (2017). Fight of Law Enforcement Agencies against Theft of Socialist Property in Cooperative Organizations and State Trade in the Late 1940-ies (based on materials of Sverdlovsk region). *Nauchnyy dialog*, 5: 224-239. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-224-239. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8:339.16.012.332/.34+343.375(470.54)“1946/1950”

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-224-239

Борьба правоохранительных органов с хищениями социалистической собственности в кооперативных организациях и государственной торговле в конце 1940-х годов (на материалах Свердловской области)

© **Мамяченков Владимир Николаевич (2017)**, orcid.org/0000-0001-6070-8746, доктор исторических наук, профессор кафедры теории управления и инноваций, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия), mamyachenkov@mail.ru

Статья посвящена недостаточно разработанной в отечественной историографии теме, особенно в том, что касается ее регионального аспекта. Исследование проведено на материалах Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) с привлечением научной и публицистической литературы. Актуальность темы обусловлена ее известной значимостью для общественных наук, прежде всего — для истории, социологии и юриспруденции. Научная новизна работы видится в том, что в оборот вводятся новые материалы, обнаруженные автором в указанных архивных фондах. Утверждается, что преступность представляет собой одну из самых сложных и трудноразрешимых проблем человеческого общества. Констатируется, что история экономики Советского Союза представляет собой историю функциони-

рования огромного многоотраслевого хозяйства в условиях крайне нерационального использования имеющихся ресурсов и, как следствие этого, жесточайшего дефицита большинства видов материальных благ. Декларируется, что Советскому Союзу «по наследству» от царской России досталась довольно мощная и разветвленная система экономической кооперации, ведущую роль в которой играли два вида: потребительская и промысловая. Подчеркивается, что в военные и первые послевоенные годы криминализация торговой сферы достигла своего апогея. Отмечается, что одним из тяжелых последствий войны для Советского Союза был всплеск всех форм преступности. Доказывается, что советское государство все годы своего существования боролось с хищениями социалистической собственности, но так и не смогло добиться в этом ощутимых успехов. Делается вывод, что в условиях плано-распределительно-дефицитной экономики другого результата и не могло быть.

Ключевые слова: послевоенные годы; Свердловская область; экономическая преступность; хищения; растраты; кооперация; государственная торговля.

1. Введение

История экономики Советского Союза по-своему уникальна, так как представляет собой развитие и функционирование огромного многоотраслевого хозяйства в условиях крайне нерационального использования имеющихся ресурсов и как следствие этого — жесточайшего дефицита большинства видов материальных благ. Семьдесят с лишним лет советское государство не оставляло попыток так или иначе приучить население страны к заведомо заниженным стандартам жизни, но общество упорно противостояло этому, выбирая (пусть молча) самые разные формы сопротивления. При этом крайней формой неповиновения было хищение гражданами так называемой «социалистической собственности», то есть, по сути, криминальное действие.

Проблематика преступности как социального явления традиционно является прерогативой прежде всего таких наук, как юриспруденция и социология. По этой причине количество исторических исследований в рамках данной тематики не так велико. Из масштабных работ историков мы бы выделили исследования Н. Верта и В. Ф. Зимы, в которых достаточно подробно нашли отражение проблемы послевоенного роста экономической преступности в СССР [Верт, 2010; Зима, 1994; Зима, 1996]. Кроме того, можно выделить статьи, в которых исследуемая нами проблема рассматривается фрагментарно как в рамках всей страны [Богданов, 2009; Бурдс, 2006; Фролов, 2013], так и в региональном разрезе [Сизов ...]. Наконец, что касается выбранного нами временного периода и ареала исследования, то здесь укажем на две работы автора — монографию и статью [Мамяченков, 2009; 2015]. Предлагаемый труд, как нам представляется, пополнит перечень подобных исследований.

2. Окончание Великой Отечественной войны и борьба советского государства с хищениями

Одним из тяжелых последствий войны для Советского Союза был всплеск всех форм преступности: количество уголовных преступлений и численность осужденных в 1946—1947 годах по сравнению с 1945-м резко возросли. Что касается экономической преступности, то она проявила себя прежде всего в распределительно-торговой сфере страны: в 1946 году по сравнению с 1945-м количество хищений здесь увеличилось на 16 % [Сизов ...]. Особенно зримо криминализация общества прослеживалась на самом распространенном виде преступлений — мелких хищениях, рост которых в 1947 году относительно 1946-го составил уже 43,7 % [Зима, 1994]. При этом хищения совершались практически во всех сферах экономики, за исключением разве что особо охраняемых объектов, как, например, фабрики Гознака или структуры Гохрана. Даже в системе Министерства связи СССР почтовые работники в 1946 году похитили из почтовых и телеграфных переводов 20956000, а связисты за тот же год украли из посылок ценностей на общую сумму 2140715 руб. [История ...].

В том же 1946 году в суды Свердловской области поступило дел: о хищениях — 1532, растратах¹ — 1054, разбазаривании — 693 и недостачах — 602 (всего 3881 дело). [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 171, л. 33]. Основными объектами хищений выступали, прежде всего, продукты питания: например, в Свердловской области за 1946 год и первый квартал 1947 только в ее торгующих организациях было зафиксировано хищение более 120 тонн хлеба, 21 тонна круп, 27 тонн мясорыбных продуктов, 4 тонны жиров, 9 тонн сахара и много другого продовольствия [ЦДООСО, ф. 4, оп. 41, д. 148, л. 13]. Лишь в первом полугодии 1946 года в возмещение растрат и хищений продуктов и промышленных товаров народными судами области было присуждено 13 млн 709 тыс. руб. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 171, л. 37].

Советское государство воспринимало все это как очередной вызов своей стабильности и, естественно, было поставлено перед необходимостью адекватного ответа. Как нам представляется, сразу по окончании войны руководство страны не хотело прибегать к массовым репрессиям, но через два года после ее окончания — 4 июня 1947 года — Президиумом Верховного Совета СССР были приняты сразу два Указа: «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан». Согласно первому указу

1 Современное российское законодательство рассматривает растрату, а также кражу, мошенничество и присвоение как различные формы хищения. — В. М.

хищение колхозного (кооперативного) имущества наказывалось 5—8 годами лишения свободы, а если речь шла о государственном имуществе — 7—10 годами. В случае повторного совершения преступления, группового хищения или хищения в крупных размерах наказание ужесточалось: от 10 до 25 лет. Вторым указом предусматривалось наказание в виде 5—6 лет лишения свободы за кражу личной собственности. В случае повторного преступления или группового хищения наказание также ужесточалось до 10 лет лишения свободы. Если же имело место разбойное нападение, то срок наказания увеличивался до 15, а в случае повторного преступления или разбойного нападения организованной группы — до 20 лет [Указ ...].

По мнению ряда исследователей, последствия применения указов сказались весьма ощутимо: за 6 лет (1947—1952 гг.) более полутора миллиона человек были осуждены за хищение общественного имущества, а около 700 тыс. — за кражу личной собственности. К моменту смерти Сталина только заключенные, осужденные по этим указам, составляли половину населения Гулага — 1 млн 242 тыс. человек из 2 млн 526 тыс. [Верт, 2010, с. 363—364]. В тон ему В. Ф. Зима приводит и такие цифры: число осужденных на срок лишения свободы свыше 10 лет в 1947 году по сравнению с 1946-м увеличилось в 100 раз и составляло 16260 человек, а в следующем 1948-м возросло еще в 3,8 раза. Всего же в 1947 году за уголовные преступления было осуждено более 1,3 млн. человек. При этом за решетку попало значительное количество женщин и детей: только в 1946—1947 годах были осуждены за хищения более 20 тыс. подростков в возрасте до 16 лет [Зима, 1994]. Николья Верт приводит такие данные: только в июне-июле 1947 года в Москве было осуждено более 400 подростков, многие из которых были отправлены в лагеря на 5—7 лет за незначительные преступления, например, кражу полбуханки хлеба, пары детских ботинок или незначительной суммы денег [Верт, с. 375].

В то же время существуют и другие, более оптимистичные оценки уровня послевоенной преступности в СССР. Так, Джеффри Бурдс, ссылаясь (как, кстати, и Н. Верт) на Государственный архив Российской Федерации, утверждает, что «несмотря на некоторый рост преступлений в 1946—1947 гг. советская уголовная статистика показывает постоянное их снижение с 1940 по 1954 гг.» [Бурдс, 2006, с. 12]. Такое утверждение в известной мере подтверждается и материалами Свердловской области. Так, в одном из документов под названием «О состоянии преступности в области», поступивших в Свердловский обком ВКП(б) из правоохранительных органов осенью 1949 года, говорилось следующее: «За III квартал 1949 г. по области (исключая г. Свердловск) привлечено к уголовной ответственности

11 200 человек, по сравнению с аналогичным периодом 1948 г. привлечено на 22 % меньше. Должностные преступления снизились на 33 %, хищения личной собственности на 30 %, государственного и общественного имущества на 24 %» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 80]

Таким образом, на основе анализа различных оценок отечественных и зарубежных историков нам представляется возможным сделать следующий обобщающий вывод: используя чисто репрессивные (вышеупомянутые и другие указы) и косвенные экономические (денежная реформа 1947 года, ежегодные декоративные снижения цен и пр.) методы, советскому государству удалось сбить основную волну уголовной преступности, снизив уровень последней до обычного, сложившегося в стране в 1920-е — 1930-е годы. Хотя, конечно, и этот «обычный» уровень никак не может считаться приемлемым в рамках цивилизованного государства.

3. Кооперативные структуры и государственная торговля: эпицентры хищений

Советскому Союзу «по наследству» от царской России досталась довольно мощная и разветвленная система экономической кооперации, ведущую роль в которой играли два вида: потребительская и промысловая. *Потребительская* кооперация в СССР представляла собой вид кооперации, объединявший потребителей для совместных закупок, производства потребительских товаров и последующей продажи их своим членам и населению. Систему потребкооперации Советского Союза составляли потребительские общества, объединяемые в районные союзы (Райпотребсоюзы), которые состояли членами областных (краевых) и непосредственно республиканских союзов, а те, в свою очередь, объединялись в Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз). *Промысловая* же кооперация объединяла мелких производителей (кустарей и ремесленников) для совместного производства товаров и оказания услуг. Руководили деятельностью артелей союзы промысловой кооперации, а во главе ее в СССР стоял Центральный совет промысловой кооперации (Центропромсовет) [Бузлаева]. В условиях советской командно-административной системы управления обществом и экономикой эти две самых мощных ветви кооперации, будучи по своей природе достаточно демократическими институтами, были предельно заформализованы и фактически во многих аспектах огосударствлены. Что касается их экономической значимости, то можно привести такие цифры: в 1950 году общий объем розничного товарооборота госторговли СССР составил 223, а кооперативной — 89 млрд руб.

По Свердловской области эти цифры составили соответственно 8,6 и 1,0 млрд, что говорит о явной неразвитости кооперативной торговли на Среднем Урале [Мещанкин; Народное ... , 1956, с. 128].

Поскольку же предметом деятельности кооперации были дефицитные материальные ценности (продукты питания и промтовары), то, естественно, эта сфера экономики притягивала к себе всевозможных потенциальных мошенников. Можно сказать, что в условиях советской планово-распределительной экономики тотального дефицита данная ее сфера изначально носила органически-криминогенный характер. В военные же и первые послевоенные годы криминализация торговой сферы достигла своего апогея. В дальнейшем по мере применения вышеупомянутых указов, направленных на ужесточение наказаний за хищения, а также стабилизации экономического положения уровень хищений постепенно снизился. Тем не менее и в исследуемом периоде он оставался достаточно высоким. В связи с этим 21 ноября 1949 года заместитель прокурора области М. Яковлев направил секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В. М. Шестакову пространную докладную записку под названием «О неудовлетворительной борьбе с хищениями и растратами в Облпотребсоюзе, Промкооперации и Управлении местными торгами». В этом документе прокурорский чиновник доводил до сведения руководства области тревожные цифры криминальной статистики по упомянутым структурам за 9 месяцев текущего года. Из всех приведенных в документе цифр самыми, пожалуй, впечатляющими были цифры отданных под суд работников данных организаций за три прошедших квартала: в Облпотребсоюзе — 424, Госторговле — 353 и Промкооперации — 101 человек [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 97]. Таким образом, всего на скамье подсудимых оказались 878 работников «дефицита». Нетрудно заметить, что за год это количество, безо всякого сомнения, превысило 1000 человек. И это — не считая многих других, тоже замешанных в преступлениях и нарушениях, но отделавшихся более мягкими наказаниями административного и дисциплинарного характера.

Достаточно тяжелая картина наблюдалась в Облпотребсоюзе (то есть в системе *потребительской кооперации*), где к имеющейся уже задолженности предыдущих лет по растратам и хищениям в сумме 6 млн 564 тыс. руб. за 9 месяцев добавилось еще 2 млн 831 тыс. При этом за тот же период было взыскано с виновных лишь 1 млн 411 тыс., а списано на убытки 941 тыс. руб. Комментируя приведенные цифры, заместитель областного прокурора отметил, что «в 1949 г. почти все Райпотребсоюзы (45 из 46) были поражены растратами, а из 276 сельпо растраты имелись в 170» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 89].

Анализируя причины столь высокого уровня криминогенности в системе потребительской кооперации, М. Яковлев как основную из них выделил засоренность системы «непроверенными» людьми. В записке, в частности, говорилось, что «руководители Облпотребсоюза допускали грубые нарушения Постановления СНК РСФСР от 31/ХІІ—40 г. и приказа Наркомторга СССР от 4/ІІ—41 г., согласно которых запрещено принимать в организации торговли и общественного питания на работу, связанную с материальной ответственностью, лиц, имеющих судимость за растрату (хищение) или обман потребителя» [Там же]. А далее следовал впечатляющий ряд примеров вышеуказанных «нарушений»:

— в Зайковском райпотребсоюзе заведующим одним из магазинов был оформлен некий Мурашов, ранее уже заведовавший этой же торговой точкой и уволенный за симуляцию кражи. В результате у Мурашова была обнаружена растрата в сумме 7137 руб., за что он был осужден к 8 годам лишения свободы;

— в Манчажском районе на должность заведующего оптовым складом был принят некий полуграмотный Власов, имеющий образование в объеме двух классов. При проверке его «деятельности» была обнаружена недостача в сумме 60 тыс. руб.;

— в Махневском районе на станции Хабаровиха заведующим сельпо был принят некий Зубов, пьяница и асоциальная личность, умудрившийся за 3 месяца растратить 10 129 руб. Осужден к 12 годам лишения свободы;

— в Режевском районе заведование магазином № 2 было доверено случайному человеку, некоему Пяткову. Он «проработал» шесть дней, похитил 6131 руб. и скрылся. Правда, все-таки был разыскан и сужден;

— в Сажинском районе в системе потребкооперации работало 6 человек, ранее судимых за корыстные преступления;

— в Шалинском районе творились просто вопиющие безобразия. Там базой Райзаготконторы заведовал некий Прянишников, который, по словам его же подчиненных, «в нетрезвом виде на работе почти никогда не бывал, с работы его уводили пьяного, а портфель с деньгами уносила его жена». Об этом было известно и председателю Райпотребсоюза Конькову, и заведующему Райзаготконторой (а по совместительству — секретарю парторганизации) Фролову, но никто не потревожил проходимца-завбазой хотя бы внезапной ревизией. Результат — растрата в сумме 14 600 руб. и привлечение Прянишникова (почему-то только его одного) к уголовной ответственности. В том же Шалинском районе некий Телепов был назначен одновременно заведующим сразу тремя магазинами, что позволяло ему легко обманывать ревизии любого из трех магазинов, отчитываясь това-

рами двух других. В конце концов, у Телепова была обнаружена растрата в сумме 12 000 руб. и он был осужден на 10 лет лишения свободы [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л.л. 89—90].

Другими двумя причинами высокого уровня хищений М. Яковлев назвал «плохую работу контрольно-ревизионных органов», а также «покровительство и пособничество расхитителям социалистической собственности со стороны отдельных руководителей предприятий и главным образом их бухгалтеров». При этом он отметил, что «в ряде торговых точек имело место **прямое пособничество** [выделено нами. — В. М.] растратчикам со стороны бухгалтерских работников». Приведя в качестве крайне негативного примера в этом плане Богдановический райпотребсоюз (там на 1 июля 1949 года было вскрыто растрат на 355 тыс. руб.), заместитель прокурора отметил: «Выручка магазинов этого Райпотребсоюза систематически не сдавалась в банк, оставаясь на руках у заведующих магазинами и ларьками. Здесь же практиковалось списание недостач у материально ответственных лиц без каких-либо оснований». При этом прокурором Богдановического района установлена преступная связь между растратчиками и работниками бухгалтерии Райпотребсоюза: например, бухгалтер Соколов, наладив подобные «отношения» с продавцом рабкоопа, в течение всего 1948 года скрывал переходящую из месяца в месяц растрату последнего. В конечном итоге Соколов был осужден, но (что характерно и симптоматично) передача его дела в следственные органы умышленно всячески затягивалась. Подобные порядки творились и в Шамарском сельпо Шалинского района. Здесь ревизии у продавца Веретенникова осуществляли члены лавочной комиссии Бочкарев и Потапов. Не утруждая себя ревизионной работой, они производили снятие остатков, ни разу не заглянув в магазин, а акты такой своеобразной «ревизии» подписывали прямо на квартире Веретенникова. В итоге у последнего с 1946 года нарастала недостача, достигшая к моменту обнаружения 26 тыс. руб. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л.л. 90—91].

Примерно такая же нелестная картина наблюдалась и в системе *промышленной кооперации*, где за 9 месяцев все того же 1949 года было выявлено 200 случаев растрат и хищений на общую сумму 389 тыс. руб. в добавление к уже имеющейся задолженности 1 млн 406 тыс. (взыскано в течение трех кварталов всего 237 тыс.). В данной системе сложившаяся практика хищений имела две особенности. Первая — это то, что наиболее крупные хищения совершались руководителями, а именно председателями артелей и бухгалтерско-счетными работниками (из 17 хищений, выявленных в 1949 году, 3 совершены председателями и 5 — старшими

бухгалтерами и кассирами артелей). По этому поводу в вышеупомянутой прокурорской записке с горечью было сказано, что «<...> 50 % растратчиков по крупным растратам оказались работники, сами обязанные бороться с хищениями и растратами». Так, различными способами присваивали общественные деньги председатель Бисертской артели «Гвоздарь» Гушин — 18866, председатель Красноуфимской артели «Горняк» Вялых — 8033, старший бухгалтер Сухоложской артели «Работница» Осипов — 6400, кассир Верхне-Салдинской артели «Красный швейник» Анисимова — 13 380 руб. (после вскрытия растраты покончила жизнь самоубийством). Вторая же особенность логически вытекала из первой и состояла в том, что здесь растраченные суммы большей частью списывались на убытки: в 1947 году так было списано 49, в 1948-м — 60 и в 1949-м — 84 % сумм растрат и хищений. Что и неудивительно — ведь растратчиками в большинстве случаев выступали руководители, то есть люди, ставившие подписи под актами списания материальных ценностей [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л.л. 92—93].

Наконец, наибольшая сумма растрат и хищений за 9 месяцев 1949 года была выявлена в системе *Управления местными торгами* — 2 млн 933 тыс. руб. Особенно значительные масштабы хищений наблюдались в Серовском и Красноуфимском торгах, а также в Свердловжрайторге. Здесь, как и в системе кооперации, использовались те же методы хищений. Например, в магазине № 6 Серовского торга длительное время скрывалась растрата в сумме 22 332 руб., между тем как ревизии проводились регулярно. Секрет был прост: к моменту начала очередной ревизии пустые водочные бутылки наполнялись водой и опечатывались пломбиром магазина. В том же Серове, только в межрайторге, орудовала некая Кашеварова, фельдшер по профессии. Ей, по странному стечению обстоятельств, было вверено выполнять работу бухгалтера-ревизора и контролировать работу нескольких магазинов. Вступив в преступную связь с заведующим магазином № 4, Кашеварова в течение двух лет скрывала растрату в этом магазине на огромную сумму — 215 тыс. руб. Боясь разоблачения, преступница скрылась из Серова, но была задержана в Чебоксарах, арестована и осуждена [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л.л. 95—97].

Руководители трех вышеупомянутых структур, работники которых буквально сотнями ежегодно попадали на скамью подсудимых, не подвергались уголовному преследованию. Оно и понятно: разрешение на такие действия прокуратуре и следственным органам могли дать только соответствующие партийные инстанции, которые со «своими» людьми предпочитали разбираться сами. Именно поэтому заместитель областного про-

курора М. Яковлев в последних строках своей докладной записки в обком партии всего лишь просил «<...> обсудить на бюро обкома ВКП(б) вопрос об ответственности тов. Никифорова [тогдашнего председателя Облпотребсоюза. — В. М.] за невыполнение законов о борьбе с хищениями и растратами», а также «<...> предупредить руководителей Областного управления промкооперации тов. Пименова и Управления местными торгами тов. Худякова об их персональной ответственности за неудовлетворительную борьбу с хищениями и растратами» и обязать всех трех руководителей «<...> произвести тщательную проверку кадров» и «<...> полностью укомплектовать контрольно-ревизионный аппарат квалифицированными ревизорами» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л.л. 97—98].

Следующее свое тревожное предупреждение прокуратура Свердловской области направила в обком партии почти полтора года спустя — 30 марта 1951 года — и касалось оно на этот раз неудовлетворительной деятельности только одной структуры — Облпотребсоюза. В секретном документе под названием «Справка о состоянии преступности» старший советник юстиции Клинов доводил до власть предержащих, что за истекший период положение с хищениями в крупнейшей кооперативной структуре области почти не изменилось в лучшую сторону. Прокурорский работник сообщал, что «<...> борьба с растратами и хищениями в потребкооперации проводится неудовлетворительно, в результате чего растраты и хищения резко возросли». Далее он привел такие цифры: за 1950 год в системе Облпотребсоюза было зафиксировано 746 случаев только крупных недостатков на общую сумму 3 млн 191, а мелких — на 2 млн 320 тыс. руб. Кроме того, остаток невозмещенного ущерба от растрат и хищений составил на начало года 6 млн 232 тыс. руб. К уголовной ответственности было привлечено 408 человек, в том числе 27 должностных лиц за попустительство к хищениям». Как «наиболее пораженные растратами» отмечались такие Райпотребсоюзы, как Богдановический — 209, Таборинский — 207, Коптеловский — 180, Шалинский — 148, Ирбитский — 136 тыс. руб. растрат и хищений и «многие другие» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 49, д. 130, л. 1].

Главным виновником создавшейся ситуации областная прокуратура считала руководство организации, о чем прямо и нелицеприятно говорилось в документе: «Несмотря на такое угрожающее положение, руководство Облпотребсоюза и, в частности, председатель правления т. Котов [уже новый председатель. — В. М.], начальник отдела кадров Веселов, начальник оргревизионного отдела Тарасов не принимают достаточных мер по ликвидации условий, способствующих хищениям в системе потребительской кооперации, не обеспечивают проведения необходимой профи-

лактической работы. В системе все еще имеют место в большом количестве грубейшие нарушения постановлений партии и правительства по вопросу охраны социалистической собственности» [Там же].

Как можно судить по излагаемому документу, основные претензии прокуратуры к Облпотребсоюзу сводились к следующим:

- при рассмотрении актов документальных ревизий и в принятии необходимых мер по ним допускалась нетерпимая волокита;
- отсутствовал какой-либо контроль за выполнением многочисленных решений правления Облпотребсоюза. В результате материалы ревизий, в ходе которых были обнаружены хищения, нередко просто не передавались в следственные органы, а материальный ущерб не взыскивался;
- бухгалтерский учет был запущен;
- работа по подбору кадров была поставлена неудовлетворительно (на работу по-прежнему принимались ранее судимые личности);
- планы ревизий не выполнялись;
- инвентаризации проводились с грубейшими нарушениями, без фактического пересчета и перемеривания товаров.

В заключение в документе снова приводились примеры наиболее вопиющих случаев всевозможных нарушений закона:

- в истекшем периоде был разоблачен как расхититель заведующий Верхне-Тавдинской перевалочной базы Таборинского райпотребсоюза Бубнов (нанес ущерб в сумме 194 тыс. руб.);
- председатель Усениновского сельпо Ленского райпотребсоюза Шишкин принял на должность заведующего столовой некоего Захарова, имеющего судимость по статье 116 часть 2 УК РСФСР (растрата). Проработав год, Захаров присвоил 11 157 руб.;
- в Нижне-Сергинском Райпотребсоюзе на должность кассира Тюльгашинского сельпо был принят некто Малыгин, только что отбывший наказание по статье 116 часть 2 УК РСФСР за растрату в этом же (!) [знак наш. — В. М.] сельпо. За четыре месяца «работы» Малыгин присвоил 4 тыс. руб. [ЦДООСО, ф 4, оп. 49, д. 130, л.л. 2—5].

Как нетрудно вывести из всего вышеизложенного, в плане оценки и претензий прокуратуры к деятельности Облпотребсоюза за полтора года фактически ничего не изменилось к лучшему.

4. Выводы

Преступность во все времена представляла собой одну из самых сложных и трудноразрешимых проблем человеческого общества. Убедительным примером тому служит история советского государства, которое все

годы своего существования боролось с хищениями так называемой социалистической собственности, но так и не смогло добиться в этом хотя бы ощутимых успехов. С высоты наших дней можно смело утверждать: в тяжелые послевоенные годы система распределения материальных благ (к каковой относились структуры кооперации и госторговли) не могла не быть избыточно криминогенной хотя бы потому, что большинство населения страны имело заведомо низкие доходы.

Например, в тресте «Серовсталстрой» Свердловской области среднедневная зарплата рабочего за 1946 год составила всего лишь около 19 руб., или примерно 500 руб. в месяц [ЦДОСО, ф. 4, оп. 41, д. 220, л. 16, 18]. Среднестатистический же колхозник Свердловской области в абсолютном выражении получил от колхоза за тот же год — 98, а за 1950-й — 80 руб. И это был еще далеко не худший показатель по Уралу: например, в Оренбургской области колхозник в упомянутые годы получил от колхоза соответственно 54 и 61 руб., а в Башкирии — вообще всего лишь 5 и 16 руб. На эти 16 руб. в 1950 году можно было приобрести по государственным розничным ценам, например, из продуктов только 11 кг ржаного хлеба или 7 литров молока, а из одежды — разве что три пары носков [Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1830, л.л. 54, 56, 139, 141, д. 3714, л.л. 65, 66, 168; ГАСО, ф. р1813, оп. 1, д. 518, л.л. 20, 21, оп. 14, д. 657, л.л. 13, 25].

Поэтому, изучая и анализируя процитированные нами в данной работе прокурорские документы, трудно не прийти к выводу, что и замена руководства, и масштабное применение карательных санкций в сущности мало что изменяли в сторону улучшения. Советскому государству удалось несколько снизить остроту проблемы лишь по мере постепенного повышения уровня жизни населения. Как нам представляется, этому способствовало и то обстоятельство, что постепенно изменялось само отношение общества к расхитителям: их стали снисходительно называть «несунами» и наказывать менее строго.

Выбранный в статье для исследования временной период был, конечно, достаточно экстремальным, но не исключительным. Такой вывод подтверждается всей последующей историей советского государства и его структур. Например, уже в 1966 году в системе торговли и бытового обслуживания Свердловской области сумма растрат и хищений составила 689 тыс. руб. (то есть 6 млн 890 тыс. дореформенных руб.). Из этой суммы 291 тыс. руб. (то есть почти 3 млн дореформенных) «принес» все тот же Облпотребсоюз [ЦДОСО, ф. 4, оп. 69, д. 174, л. 1]. Довольно большим из года в год оставалось в области и число привлеченных к уголовной ответственности граждан за совершенные ими хи-

щения. Это следует, например, из докладной записки, которую в январе 1970 года председатель Свердловского областного суда Е. Смоленский представил первому секретарю обкома КПСС К. К. Николаеву. В записке приводились следующие цифры: из примерно 18 000 человек, осужденных в области в течение 1969 года к лишению свободы, за хищения было осуждено 1980 (в 1968 году — 1976 человек). Наконец, в еще одном документе, уже от 1970 года, сообщалось, что только за первое его полугодие было возбуждено 1165 уголовных дел о хищениях, по которым был привлечен к уголовной ответственности 1241 человек. Ущерб от хищений за полугодие составил 368 244 руб. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 74, д. 261, л.л. 3, 21, 46, 48, 50].

Шли годы, менялись руководители, но проблема оставалась.

Источники и принятые сокращения

1. Бузлаева А. И. Кооперация промысловая [Электронный ресурс] / А. И. Бузлаева // Большая советская энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1969—1978 // Энциклопедии и словари. — Режим доступа : http://enc-dic.com/enc_sovet/Kooperacija-promslovaja-27810.html.

2. История в фотографиях : дело о преступлениях почты [Электронный ресурс] // Livejournal. — Режим доступа : <http://foto-history.livejournal.com/3726750.html>.

3. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813 (Облстатуправление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 518. Л. 20, 21. Оп. 14. Д. 657. Л. 13, 25.

4. Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска : статистический сборник. — Свердловск : Госстатиздат, 1956. — 152 с.

РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Ф. 1562 (ЦСУ СССР). Оп. 324. Д. 1830. Л.л. 54, 56, 139, 141. Д. 3714. Л. 65, 66, 168.

5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [Электронный ресурс] // Викитека. — Режим доступа : https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_4.06.1947_об_уголовной_ответственности_за_хищение_государственного_и_общественного_имущества.

6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года. «Об усилении охраны личной собственности граждан» [Электронный ресурс] // Викитека. — Режим доступа : https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_4.06.1947_об_усилении_охраны_личной_собственности_граждан.

7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 (Обком КПСС). Оп. 41. Д. 220. Л.л. 16, 18; Оп. 43. Д. 171. Л.л. 33, 37; Оп. 45. Д. 206. Л.л. 80, 89—93, 95—98; Оп. 49. Д. 130. Л.л. 1—5; Оп. 69. Д. 174. Л. 1; Оп. 74. Д. 261. Л.л. 3, 21, 46, 48, 50.

Литература

1. *Богданов С. В.* «Теневая» грань советской повседневности первых послевоенных лет: власть, общество, уголовная преступность / С. В. Богданов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 103. — С. 7—15.
2. *Бурдс Д.* Советская агентура : очерки истории СССР в послевоенные годы (1944—1948) / Д. Бурдс. — Москва-Нью-Йорк : Современная история, 2006. — 296 с.
3. *Верт Н.* Террор и беспорядок : сталинизм как система / Н. Верт. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 448 с.
4. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов : происхождение и последствия / В. Ф. Зима. — Москва : Изд-во ИРИ РАН, 1996. — 265 с.
5. *Зима В. Ф.* Голод и преступность в СССР 1946—1947 гг. / В. Ф. Зима // Revue des études slaves. — 1994. — Tome 66, Fascicule 4. — P. 757—776.
6. *Мамяченков В. Н.* Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946—1953 гг.) : историко-экономическое исследование / В. Н. Мамяченков. — Екатеринбург : [АМБ], 2009. — 235 с.
7. *Мамяченков В. Н.* Экономическая преступность на Среднем Урале в первые послевоенные годы (1946—1948 гг.) / В. Н. Мамяченков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 12 (62). — С. 136—141.
8. *Мещанкин А. А.* СССР. Внутренняя торговля и бытовое обслуживание [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия / А. А. Мещанкин. — Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/129042/СССР>.
9. *Сизов С.* Преступность в Омске в первые послевоенные годы [Электронный ресурс] / Сизов. — Режим доступа : <http://www.proza.ru/2013/12/18/763>.
10. *Фролов В. В.* Деятельность следственных органов советской прокуратуры по раскрытию дел о хищении государственного и общественного имущества в период «позднего сталинизма» (1946—1953 гг.) / В. В. Фролов // Безопасность уголовно-исполнительной системы. — 2013. — № 1 (21). — С. 30—32.

Fight of Law Enforcement Agencies against Theft of Socialist Property in Cooperative Organizations and State Trade in the Late 1940-ies (based on materials of Sverdlovsk region)

© **Mamyachenkov Vladimir Nikolayevich (2017)**, Doctor of History, professor, Department of Theory of Management and Innovations, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin;

professor, Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), mamychenkov@mail.ru.

The article is devoted to the subject insufficiently developed in the national historiography, especially in regard to its regional aspect. The study was conducted on materials of the State archive of the Sverdlovsk region, the Russian state archive of economics and the Centre of documentation of public organizations of Sverdlovsk region with the assistance of the scientific and publicistic literature. The relevance of the topic is determined by its known importance for the social sciences, especially history, sociology and law. Scientific novelty of the work is seen in the fact that the new materials discovered by the author in these archives are introduced into scientific usage. It is argued that the criminality is one of the most difficult and intractable problems of human society. It is stated that the history of the Soviet economy is the history of the functioning of a huge diversified economy in extremely inefficient use of available resources and, as a consequence, a severe shortage of most kinds of wealth. It is declared that Soviet Union "inherited" from tsarist Russia a fairly powerful and extensive system of economic cooperation, the leading role in which played two types of cooperation: consumer and commercial. It is emphasized that during the war and early post-war years the criminalization of trade sector reached its peak. It is noted that one of the serious consequences of the war for the Soviet Union was the surge of all forms of crime. It is proved that the Soviet government during all the years of its existence struggled with the embezzlement of socialist property, but failed to achieve any significant success. The conclusion is that in terms of planning and distribution-scarce economy there could not be a different result.

Key words: post-war years; Sverdlovsk region; economic crime; theft; embezzlement; cooperation; public trade.

Material resources

- Buzlaeva, A. I. 1969—1978. Kooperatsiya promyslovaya. In: Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. *Entsiklopedii i slovari*. Available at: http://enc-dic.com/enc_sovet/Kooperaciya-promslova-ja-27810.html. (In Russ.).
- GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti*. F. R1813 (Oblastnoye statisticheskoye upravleniye). (In Russ.).
- Istoriya v fotografiyakh : delo o prestupleniyakh pochty. *Livejournal*. Available at: <http://foto-history.livejournal.com/3726750.html>. (In Russ.).
- Narodnoye khozyaystvo Sverdlovskoy oblasti i goroda Sverdlovsk: statisticheskiy sbornik*. 1956. Sverdlovsk: Gosstatizdat. (In Russ.).
- RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki*. F. 1562 (TsSU SSSR). Op. 324. D. 1830. L. 1. 54, 56, 139, 141. D. 3714. L. 65, 66, 168. (In Russ.).
- TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. F. 4 (Obkom KPSS)*. (In Russ.).
- Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 4 iyunya 1947 goda «Ob ugovolnoy otvetstvennosti za khishcheniye gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva». *Vikiteka*. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Ukaz_Prezidiuma_VS_SSSR_ot_4.06.1947_ob_ugolovnoy_otvetstvennosti_za_khishchenie_gosudarstvennogo_i_obshchestvennogo_imushchestva. (In Russ.).

Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 4 iyunya 1947 goda. «Ob usilenii okhrany lichnoy sobstvennosti grazhdan». *Vikiteka*. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Ukaz_Prezidiuma_VS_SSSR_ot_4.06.1947_ob_usilenii_okhrany_lichnoy_sobstvennosti_grazhdan. (In Russ.).

References

- Bogdanov, S. V. 2009. «Tenevaya» gran' sovetskoy povsednevnosti pervykh poslevoennykh let: vlast', obshchestvo, ugolovnaya prestupnost'. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsen*, 103: 7—15. (In Russ.).
- Burds, D. 2006. *Sovetskaya agentura: ocherki istorii SSSR v poslevoennyye gody (1944—1948)*. Moskva-Nyyu-York: Sovremennaya istoriya. (In Russ.).
- Frolov, V. V. 2013. Deyatelnost' sledstvennykh organov sovetskoy prokuratury po raskrytiyu del o khishchenii gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva v period «pozdnego stalinizma» (1946—1953 gg.). *Bezopasnost' ugolovno-ispolnitelnoy sistemy*, 1 (21): 30—32. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. 2015. Ekonomicheskaya prestupnost' na Srednem Urale v pervyye poslevoennyye gody (1946—1948 gg.). *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 12 (62): 136—141. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. 2009. *Materialnyye usloviya zhizni semey promyshlennykh rabochikh i kolkhoznogo krestyanstva Sverdlovskoy oblasti v period poslevoennogo vosstanovleniya (1946—1953 gg.): istoriko-ekonomicheskoye issledovaniye*. Yekaterinburg: [AMB]. (In Russ.).
- Meshchankin, A. A. SSSR. Vnutrennyaya trgovlya i bytovoye obsluzhivaniye. In: *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya*. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/129042/SSSR>. (In Russ.).
- Sizov, S. *Prestupnost' v Omske v pervyye poslevoennyye gody*. Available at: <http://www.proza.ru/2013/12/18/763>. (In Russ.).
- Vert, N. 2010. *Terror i besporядok: stalinizm kak sistema*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Zima, V. F. 1996. *Golod v SSSR 1946—1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya*. Moskva: Izd-vo IRI RAN. (In Russ.).
- Zima, V. F. 1994. *Golod i prestupnost' v SSSR 1946—1947 gg.* *Revue des études slaves*, 66/4: 757—776. (In Russ.).